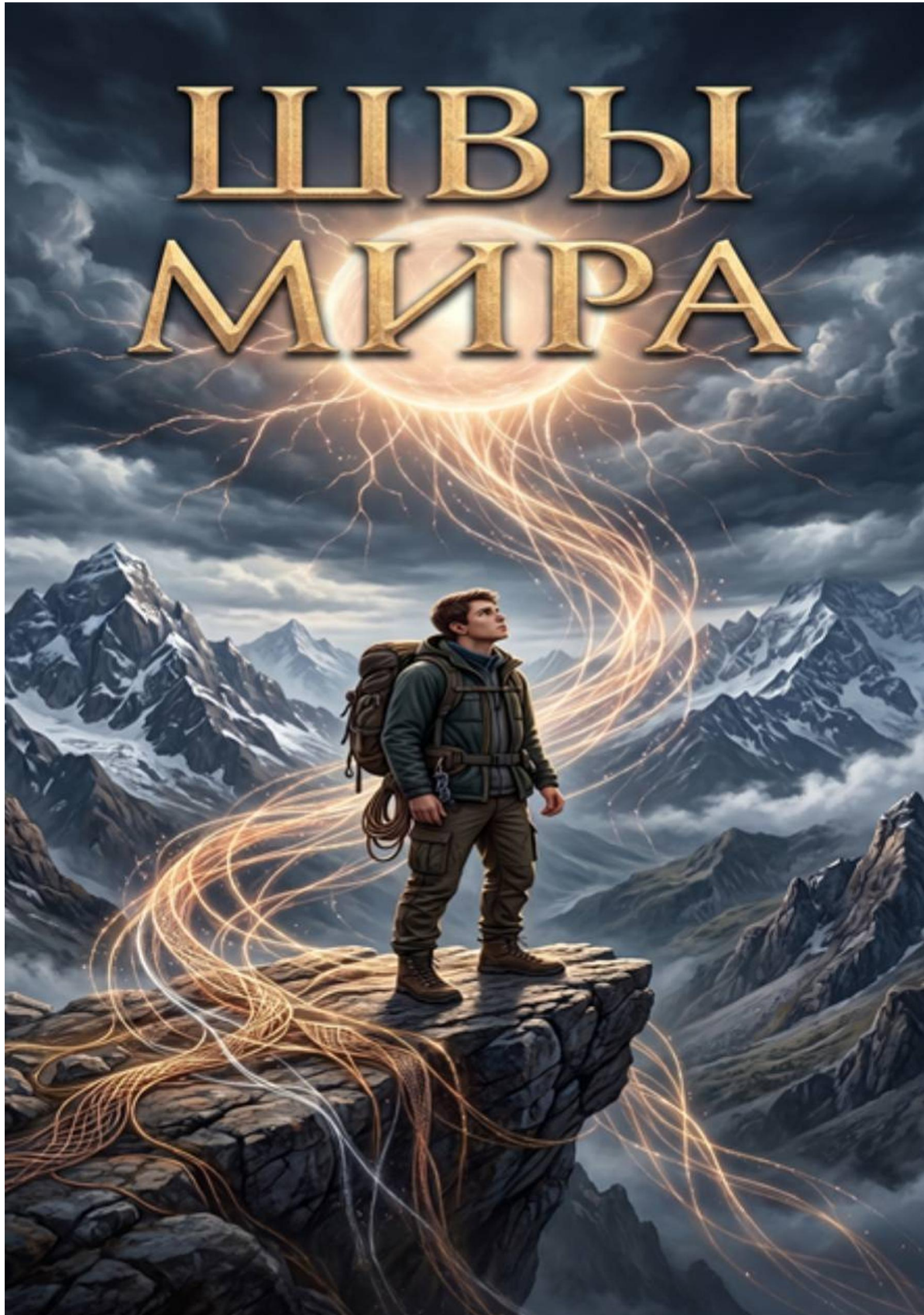

ШИВЫ МИРА

Айдар Башкиров

"Швы мира" - "Проект Сфера"

«Автор»

2026

Башкиров А.

"Швы мира" - "Проект Сфера" / А. Башкиров — «Автор», 2026

«Швы мира» — захватывающее фэнтези о человеке, который умеет перемещаться между местами сквозь невидимые нити пространства. Антон не просто путешествует — он шагает через «швы»: едва заметные переходы, соединяющие разные уголки мира. Но эта способность — не дар, а ответственность: каждый шаг оставляет след в самой ткани реальности. В погоне за тишиной и ответами Антон отправляется к священной горе Белухе, где пространство говорит с теми, кто умеет слушать. На Алтае он встречает шамана, чьи слова странным образом перекликаются с уроками старого тибетского монаха Лобсанга, учившего Антона не спешить и уважать места, через которые проходишь. Разговор двух хранителей древних знаний открывает герою: швы — это не дороги, а память земли, и мир не просто пропускает путника, а запоминает его.

© Башкиров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Десять лет тишины»	5
Глава 2. "Игры в пространстве"	9
Глава 3. "Гора Белуха"	12
Глава 4. "Другая сторона"	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Айдар Башкиров

"Швы мира" - "Проект Сфера"

Глава 1 «Десять лет тишины»

Монастырь Танг-Лха прятался в складках Гималаев так высоко, что облака проходили ниже его стен. Чтобы добраться до него, нужно было идти от ближайшей дороги три дня — по осыпи, по льду, по тропам, которые местные караванщики знали, но не любили. Говорили, что тропа была прорублена в скале рукой одного человека — основателя монастыря, монаха по имени Дордже Ринпоче, который пришёл сюда восемьсот лет назад и остался, потому что дальше идти было некуда: за монастырём — только небо.

Десять лет Антон провёл здесь, и за это время мир внизу успел смениться дважды — но он не знал об этом и не хотел знать.

Он пришёл сюда двадцатитрёхлетним, с пустым рюкзаком и полной головой чужих мыслей. Чужих — потому что своих не было. Он прожил двадцать три года, впитывая всё, что мир ему предлагал: школу, институт, работу в питерском стартапе, отношения, расставания, ссоры с отцом, разговоры с матерью, новости, музыку, рекламу, обещания, разочарования. Он жил, как живут миллиарды — не плохо, не хорошо, а как получается. Но к двадцати трём годам почувствовал, что внутри нет ничего, что он мог бы назвать своим. Ни одной мысли, которая не была бы услышана от кого-то другого. Ни одного чувства, которое не было бы ответом на внешний раздражитель. Он был как радиоприёмник, который ловит все станции сразу и не может настроиться ни на одну.

Ушёл — тридцатитрёхлетним, с пустой головой и полным ощущением пространства.

Учитель Лобсанг говорил ему в первый день: «Ты пришёл с вопросом. Ответ живёт не в книгах и не в моём рту. Он живёт в расстоянии между вещами. Научись чувствовать это расстояние — и вопросы кончатся сами».

Антон не понял. Кивал. Сидел в медитации по восемь часов в сутки. Первые три года — ничего, кроме боли в коленях и холода в спине. Монастырь не отапливался. Стены были каменные, окна — без стёкол, только ставни. Зимой температура падала до минус двадцати внутри

кельи, и дыхание висело в воздухе паром. Монахи спали на деревянных лежанках, укрываясь шерстяными одеялами, которые не грели, а лишь отделяли тело от холода, как тонкая бумага отделяет огонь от пальцев — не спасает, но даёт иллюзию преграды.

Первый год он думал, что умрёт. Не от холода — от тишины. Танг-Лха был нем. Монахи говорили мало — только по делу, только когда нужно. Не было музыки, не было разговоров, не было новостей. Не было телефонов, не было интернета. Не было ничего, кроме дыхания, шагов по каменному полу и звука ветра за стенами. Ветер здесь не стихал никогда — монастырь стоял на гребне, и воздух проходил через него, как вода через сито, с воем, со свистом, с гулом, от которого звенело в ушах.

Лобсанг сказал ему на второй неделе: «Тишина — это не отсутствие звука. Это отсутствие вопросов. Когда ветер воет — он не нарушает тишину, потому что он не задаёт вопросов. Тишь нарушает только человек, когда говорит, потому что говорит из тревоги. Не тревожься — и ветер станет тишиной».

Антон тогда не понял смысла этих слов. Но слушал. И спустя три года — не месяц, не полгода, а именно три долгих года — он вдруг почувствовал, как вой ветра перестал резать слух. Звук не исчез, но перестал спорить с покоем. Будто две мелодии, прежде звучавшие вразнобой, наконец слились в одну. В этом новом звучании не было ни борьбы, ни напряжения — только ровное, глубокое «есть». И для этого состояния не нашлось слова ни в русском, ни в тибетском, ни в каком-либо другом языке. Просто — тишина, в которую вплетался ветер, и покой, который больше не нужно было защищать от шума.

На четвёртый год он впервые почувствовал, что стена кельи не совсем плотная. Что между камнем и воздухом есть тонкая щель — не видимая, не осязаемая, но безошибочно ощутимая, как сквозняк на гладкой стене. Он сидел, как обычно, лицом к стене, и вдруг — не глазами, не кожей, а чем-то третьим, тем, для чего нет названия — ощутил, что стена дышит. Не физически — камень не двигался, раствор не крошился. Но в пространстве между ним и стеной было что-то живое, тонкое, пульсирующее, как кровеносный сосуд под кожей, который не виден, но чувствуется, если приложить палец.

Он не испугался. После трёх лет тишины страх стал редким гостем — приходил и уходил, не задерживаясь, как незнакомец в проходном дворе. Но удивился — сильно, до головокружения, до тошноты, как будто земля качнулась под ногами, хотя он сидел неподвижно.

Он рассказал об этом Лобсангу. Старик улыбнулся и ответил: «Это не стена дышит. Это ты начал дышать».

Антон не понял и тогда. Но запомнил. И стал слушать стены.

Не только стены — всё. Пол, на котором сидел: каменные плиты, уложенные восемьсот лет назад, каждая со своей плотностью, своим весом, своим возрастом. Потолок: деревянные балки, привезённые когда-то из долины на плечах монахов, высохшие, затвердевшие, ставшие почти камнем. Небо за окном: оно тоже было не сплошным — Антон чувствовал это по вечерам, когда свет уходил и небо становилось тёмным, плотным, тяжёлым, как крыша. В нём тоже были щели — крошечные, мерцающие, похожие на звёзды, но не звёзды, а разрывы в ткани, через которые просвечивало что-то другое.

На шестой год он научился чувствовать эти щели повсюду — в скалах, в деревьях, в полу, в небе. Они были тоньше волоса и длились мгновение, но они были. Пространство было не сплошным, а сшитым из лоскутов, и швы иногда расходились. Как старая одежда, в которой нитки держат, но местами ослабли — и если потянуть, можно найти щель, просунуть палец, а может — и руку.

Он не рассказывал Лобсангу. Не потому что боялся — потому что не знал, как описать. Слова были слишком человеческими для того, что он чувствовал. «Щель», «шов», «разрыв» — всё это было неточно, как если бы описывал вкус сахара словом «сладкий» человеку, который никогда не пробовал сладкого. Неточно — но другого не было.

На седьмой год Лобсанг сам заговорил. Не о щелях — о другом. О «вратах пустоты», как их называли в Тибете.

«Ты чувствуешь их, — сказал Лобсанг. Не вопрос — утверждение. — Я знаю. Я тоже чувствовал, когда был молод. Каждый, кто сидит здесь достаточно долго, начинает чувствовать. Это не дар — это следствие. Как загар — следствие солнца. Как мозоли — следствие труда. Тишина открывает восприятие, которое у всех людей есть, но закрыто шумом».

«Что это?» — спросил Антон.

«Это строение пространства. Мир не сплошной. Он сшит. Нитки — это не метафора. Они реальны. Но они не из материи, не из энергии, не из чего-то, что можно измерить приборами. Они из того, из чего сделано расстояние. Не то, что между точками А и Б. А само «между». Само отношение. Сама связь».

«Можно через них пройти?»

Лобсанг помолчал. Долго. Потом сказал: «Можно. Но не нужно».

«Почему?»

«Потому что за нитками — те, кто их шьёт. Они не люди. Не боги. Не духи, как их называют алтайцы или сибирские шаманы. Они — другое. У них нет имени, потому что имя — это для того, кто отделён от других. Они не отделены. Они — сами нитки. Или само пространство, в котором нитки. Или само отношение, которое связывает точки. Понять их нельзя. Можно только почувствовать — и то ненадолго, и то с трудом, как чувствуешь давление воды на глубине: не видишь, но знаешь, что оно есть».

«Они опасны?»

«Они не добрые и не злые. Они — как гравитация. Гравитация не злая. Но если упадёшь — разобьёшься. Не потому что гравитация злая, а потому что ты упал. Они такие же. Не входи в дальние швы. Те, что ведут за пределы мира, — не для человека. Там живут те, кто шьёт пространство. Они не любят, когда трогают их нитки».

Антон слушал. Кивал. И уже знал, что войдёт.

На восьмой год он впервые прошёл сквозь шов.

Это случилось в тёмное время, между вечерней и утренней практикой. Он сидел на краю террасы, смотрел на долину и вдруг ощутил, что щель перед ним — не закрылась. Она пульсировала. Дышала в такт с ним. Не быстро, не медленно — ровно, как сердце, которое бьётся спокойно, без усилия, без тревоги. Он протянул руку — и пространство поддалось, как мокрая ткань. Не разорвалось — раздвинулось, как занавес, который отодвигают ладонью. За занавесом — не стена, не камень, не воздух. Другое место.

Он шагнул и оказался на сто метров ниже, на каменной осыпи у подножия монастыря. Не прыжок, не падение — просто шаг из одного места в другое, минуя расстояние между ними. Он стоял на осыпи, и камни под ногами были холодными, и ветер дул снизу, и небо было тем же, и звёзды были теми же, но расстояние — того расстояния, которое он прошёл — не было. Оно исчезло. Его не было. Не преодолено, не пройдено, не пересечено — просто не было.

Он стоял на осыпи и трясся. Не от холода. От понимания, что расстояние — это иллюзия. Что мир не имеет стен. Что всё, что он считал преградами — горы, океаны, стены, границы, тысячи километров между городами и странами, — всё это было тоньше бумаги, если знать, где шов.

Он поднялся обратно — пешком, по тропе, три часа в темноте. Не потому что не мог вернуться швом — мог, чувствовал, как щели дышат вокруг. А потому что хотел почувствовать расстояние снова. Хотел понять, что такое — сто метров вниз по тропе, если сто метров швом — это один шаг. Тропа была. И шов был. И оба были реальны. И между ними не было ничего общего, кроме того, что оба соединяли две точки.

Лобсанг нашёл его там через час — не на осыпи, а у входа в монастырь, куда Антон вернулся к рассвету. Посмотрел молча, кивнул и сказал: «Теперь учись возвращаться. Иначе потеряешься в швах».

«Я вернулся», — сказал Антон.

«Ты вернулся пешком. А когда шагнёшь в дальний шов — пешком не вернёшься. Учись чувствовать обратную нить. Каждый шов двусторонний. Но обратная нить тоньше, и найти её труднее. Если не найдёшь — останешься там, куда шагнул. Навсегда. Или не навсегда — кто знает, как время работает в швах. Может, миг. Может, вечность».

Последние два года Антон учился именно этому — возвращаться. Чувствовать щель, входить, оказываться в выбранной точке и возвращаться обратно. Он прыгал по монастырю: из кельи на кухню, из кухни на террасу, с террасы на крышу. Потом — за пределы: на осыпь, на ледник, на соседний хребет, в долину, где паслись яки. Каждый раз — шов вперёд, шов назад. Каждый раз — точнее, быстрее, спокойнее. Он перестал трястись. Перестал удивляться. Швы стали частью его, как дыхание — не осознаётся, пока не остановишь.

Лобсанг предупреждал ещё раз, в последний день, когда Антон собирал рюкзак: «Не входи в дальние швы. Те, что ведут за пределы мира, — не для человека. Там живут те, кто шьёт пространство. Они не любят, когда трогают их нитки».

Антон слушал. Кивал. И уже знал, что уйдёт. Не потому что не боялся — боялся. Но страх был тихим, далёким, как гром за горизонтом. А впереди — швы, которых он ещё не чувствовал, и мир, который он не видел десять лет. И между ним и миром — один шаг.

Глава 2. "Игры в пространстве"

Первый месяц после монастыря он провёл как ребёнок, которому дали ключи от всех дверей одновременно. Только это были не двери, а швы — тонкие, едва заметные разрывы в самой ткани пространства. Антон научился видеть их не глазами, а внутренним ощущением: они пульсировали, как слабые удары сердца, и тянулись от одного места к другому, пересекая океаны, горы и города.

Он прыгнул в Лондон — из Тибета напрямую, одним шагом через шов. Оказался на набережной Темзы в серый рассвет, мокрый от тумана, босой, в монашеском одеянии. Прохожие смотрели как на безумца: кто-то отходил подальше, кто-то доставал телефон, кто-то просто застыл с открытым ртом. Антон смеялся — не над ними, а над тем, как странно и смешно выглядит мир, когда ты только что шагнул через невидимую щель между двумя точками Земли. Он стоял на холодном мокром камне, вдыхал сырой лондонский воздух и чувствовал, как пространство вокруг него продолжает пульсировать, будто город был живым существом, дышащим в такт с ним.

В тот момент он впервые по-настоящему понял, что значит «чувствовать шов». Это было не просто ощущение направления — это было чувство связи. Как будто он держал в руке тонкую нить, которая тянулась через тысячи километров, и если потянуть за неё, можно было оказаться где угодно. И он потянул.

Прыгнул в Токио — вечерние неоновые улицы Сибуи, толпа, никто не заметил, что он появился из ниоткуда, потому что все смотрели в телефоны. Свет бил в глаза, реклама переливалась, музыка гремела из магазинов, и этот город казался ему не просто другим местом, а другой частотой. Будто Лондон был на одной волне, а Токио — на другой, и он научился переключаться между ними одним движением. Он купил одежду в круглосуточном магазине, переоделся в туалете, стал похож на человека, но знал, что это лишь видимость. Внутри он оставался тем, кто чувствует швы.

Пока он бродил по улицам, он начал замечать, что швы в больших городах ведут себя иначе. В Тибете они были спокойными, почти неподвижными, как старые, прочные нити. Здесь же они вибрировали, дрожали, будто от постоянного напряжения. Город буквально гудел от движения людей, машин, сигналов, и эта энергия передавалась пространству. Швы станови-

лись тоньше, но быстрее — они словно ускорялись, чтобы успевать за ритмом города. Антон чувствовал, как они пульсируют в такт светофорам, как замирают на перекрёстках и снова начинают биться, когда поток машин приходит в движение.

Прыгнул в Рио — карнавал, музыка, перья, пот. Танцевал на улице с незнакомыми людьми и чувствовал, как мир огромен и как мал одновременно, потому что весь он — в шаге друг от друга. Он кружился в толпе, и пространство вокруг него словно растягивалось и сжималось, подстраиваясь под ритм музыки. В какой-то момент он увидел шов прямо посреди улицы — тонкую мерцающую линию, которая вела дальше, и на секунду захотел шагнуть, но удержался. Здесь было слишком много людей, слишком много жизни, чтобы рисковать исчезнуть у них на глазах.

Прыгнул на Северный полюс — стоял на льдине в тишине, без ветра, без звука, и пространство здесь было другим: швы были шире, дышали глубже, словно на полюсах ткань мира была натянута слабее. Он сел на лёд, закрыл глаза и почувствовал, как швы тянутся от полюса к экватору, как невидимые нити, соединяющие планету. Это было похоже на карту, которую он не мог увидеть, но мог ощутить. Он представил себе эту сеть: линии, пересекающие океаны, огибающие континенты, соединяющие самые далёкие точки. И понял, что мир — это не набор отдельных мест, а единая система, сшитая из множества тонких нитей.

Прыгнул в Сахару — ночью, в холоде песка, смотрел на звёзды и впервые подумал: а что если швы ведут не только по Земле? Что если можно шагнуть дальше — туда, вверх?

Он пробовал. На десятый день свободы он нашёл шов, который шёл не горизонтально, а вертикально — вверх, в небо, за атмосферу. Он не вошёл. Побоялся. Но почувствовал, что может. Пространство там было тоньше, почти прозрачным, и казалось, что за ним — что-то огромное и холодное, что ждало своего часа.

Он жил в гостиницах, на пляжах, в съёмных комнатах. Перемещался так, как другие люди переходят улицу. У него не было паспорта, но ему и не нужен был — он не проходил через границы, он проходил сквозь них. Не было ни одного пограничника, ни одного таможенника, ни одной камеры, которые могли бы его засечь. Он появлялся и исчезал, оставляя после себя лишь лёгкое дрожание воздуха, которое никто не замечал.

Но чем больше он путешествовал, тем сильнее чувствовал, что эти прыжки — не просто способ увидеть мир. Они меняли его. Каждый раз, когда он проходил через шов, он оставлял в нём крошечный след — как будто пространство запоминало его. И чем чаще он пользовался одними и теми же нитями, тем легче становилось проходить по ним снова. Это было похоже на тропу в лесу: сначала её нет, но если ходить по одному и тому же месту, трава приминается, земля уплотняется, и постепенно появляется путь. Антон создавал такие пути — невидимые, но реальные.

Первый шок пришёл на третьей неделе.

Он прыгнул в Дамаск. Хотел посмотреть на старый рынок, на специи, на медь. Оказался в улице, по которой бежали люди. Война. Он не знал — Сирия была в огне, а он не читал новости десять лет. Женщина бежала с ребёнком на руках, спотыкалась, поднималась и снова бежала. Мужчина лежал на мостовой — не двигался. Антон стоял в монашеском халате посреди разрушенной улицы и не понимал, как мир мог быть таким, пока он медитировал. Он сделал шаг назад, в шов, и оказался в тихом переулке в Стамбуле, где пахло жареными каштанами и где жизнь шла своим чередом. Но теперь он знал: швы не спасают от мира. Они лишь позволяют быстро перемещаться между его частями — даже самыми страшными.

После этого он стал осторожнее. Он больше не прыгал наугад. Он начал искать места, где швы были спокойнее, где пространство не вибрировало от боли и страха. Он находил такие точки в горах, в лесах, на островах — там, где людей было мало, а тишина была настоящей. В этих местах швы были прочными, надёжными, как канаты, и по ним можно было ходить без страха.

Он вернулся в монастырь к Лобсангу. Не физически — не мог смотреть старику в глаза. Мысленно. Вспоминал его слова: «Мир внизу болен. Но болезнь — не в теле. Она в устройстве».

Он перестал развлекаться. Швы стали для него не игрушкой, а инструментом. Он начал думать о том, что можно сделать с этой способностью. И чем больше он думал, тем яснее понимал: мир нуждается не в путешествиях, а в переменах.

Глава 3. "Гора Белуха"

Антон не думал о поездах, самолётах, очередях и документах. Он вообще не думал о дороге как о чём-то долгом и хлопотном. Он просто захотел на Алтай — и шагнул через шов.

Зов шёл от Белухи. Тихий, но упрямый, как течение под толстым льдом: его не видно, но оно тянет вниз, к самой глубине. Антон почувствовал его ещё в городе, когда пространство вокруг казалось ему натянутым до звона: улицы звенели от спешки, швы вибрировали, как перетянутые струны. И среди этого шума вдруг пробился другой звук — низкий, спокойный, ровный. Будто кто-то глубоко в горах ударил в большой барабан, и этот удар докатился до него сквозь километры и стены.

Он вышел на пустырь за окраиной города, где редко ходили люди и шум не забивал тишину. Там шов лежал ровно, как серебряная нить на тёмной ткани. Антон закрыл глаза, прислушался к его ритму — и шагнул.

На той стороне было утро. Резкий ветер ударил в лицо, пахло хвоей, камнем и холодной водой. Он стоял на склоне у края леса, а впереди, сквозь прорехи в кронах, виднелись горы — не картинки из путеводителя, а настоящие: тяжёлые, древние, равнодушные к человеческим делам. Алтай.

В первый момент Антон даже не поверил, что всё так просто: один шаг — и ты там, где нужно. Но следом пришло другое чувство — не облегчение, а ответственность. Пространство здесь не терпело суеты. Оно хотело, чтобы его уважали. И Антон решил: дальше он пойдёт своим ходом. Не ради того, чтобы спрятаться, а чтобы почувствовать землю под ногами, услышать, как меняется голос пространства от деревни к деревне, от реки к перевалу. Он хотел раствориться в Алтае, стать частью его тишины.

Сначала он спустился по тропе к дороге. Асфальт здесь был старый, местами разбитый, будто дорога не столько вела куда-то, сколько просто держалась рядом с горами, не мешая им. На обочине стоял ржавый указатель с полустёртыми буквами, а вдалеке, за поворотом, показался автобус.

Автобус ехал медленно, будто сам понимал, что торопиться тут нельзя. В салоне пахло пылью и бензином. Водитель время от времени отпивал чай из термоса, держа кружку одной рукой, а другой уверенно крутил руль. Антон сел у окна, прислонился лбом к стеклу и смотрел,

как за ним проплывают поля, потом леса, потом скалы, которые становились всё выше и ближе. Пассажиры тихо переговаривались, кто-то дремал, кто-то смотрел в телефон, а Антон слушал не слова, а сам ритм дороги: как она взбирается вверх, как замирает на перевалах, как снова несётся вниз, к реке.

На развилке, где дорога раздваивалась, он вышел. Дальше автобусы ходили редко, а ему хотелось идти ближе к воде, ближе к камню. Пока он шагал по обочине, мимо пронеслись грузовики и легковушки, но ни одна не притормаживала. Только старый пикап, гружённый ящиками, остановился метрах в двадцати впереди. Из кабины выглянул мужчина в тёплой куртке, кивнул:

— Далеко собрался?

— К Белухе, — честно ответил Антон.

Мужчина хмыкнул, будто услышал что-то правильное:

— Садись. До поворота довезу. А там уж сам смотри.

В кузове пахло сеном и металлом, дорога трясла, но Антон улыбался. Он чувствовал, как с каждым километром меняется само ощущение пространства: швы здесь не кричали, а шептали. Они тянулись вдоль русел рек, огибали скалы, ныряли в ущелья и снова всплывали где-то на другом склоне. И чем ближе он был к Белухе, тем отчётливее понимал: эти нити не просто соединяют точки на карте. Они держат мир.

От поворота он пошёл пешком. Тропа то терялась в траве, то снова находилась у камня или поваленного дерева. Иногда он останавливался, закрывал глаза и слушал: как ветер гуляет между скал, как вода бьётся о камни, как пространство дышит. И в этих звуках он слышал старые голоса — голоса тех, кто ходил здесь задолго до него.

Постепенно тропа вывела его к Катунь. Река неслась между скал, будто пыталась вырваться из каменного плена, и ревела так громко, что заглушала любые мысли. Антон пошёл вдоль берега, ступая по мокрым валунам, чувствуя, как брызги хололят лицо. Вода здесь была не просто водой — она была силой, древней и упрямой, не признающей преград. Он шёл, слушая её голос, и с каждым шагом что-то внутри становилось проще, честнее. Катунь не обещала ничего, не утешала, не льстила — она просто была, и этого хватало.

По пути ему встречались местные алтайцы. Они встречали его спокойно, без любопытства — привыкли к паломникам и туристам, что бродят по этим местам в поисках красоты или смысла. Кто-то кивал, кто-то едва заметно улыбался, будто говоря: «Ты на своём пути, иди». Но старики смотрели на него иначе — долго, внимательно, как будто видели не его самого, а то, что шло за ним по пятам, невидимое и тяжёлое. В их взглядах не было осуждения, но была древняя, спокойная настороженность — так смотрят на того, кто ступает на тропу, не зная всех её поворотов.

Однажды вечером он зашёл в посёлок Тюнгур. Солнце уже садилось, и над домами тянулся дым от костров. Антон остановился у одного из них, где на плоском камне сидел старик в тёплой стёганой куртке и смотрел на угасающие угли. Он поднял глаза на Антона, долго смотрел, будто считывал что-то в его лице, а потом тихо сказал:

— Ты не турист. Ты идёшь к ней. К Белухе. Она зовёт тебя.

Антон нахмурился, не понимая:

— Кто зовёт?

Старик чуть наклонил голову, будто прислушивался к чему-то, чего Антон не мог услышать.

— Они. Хозяева. Духи горы.

Антон хотел рассмеяться, сказать, что он просто ищет тишины, но смех застрял в горле. В голосе старика не было ни мистики, ни пафоса — только спокойная уверенность человека, который всю жизнь слушал эти места и научился различать их шёпот.

— Ты думаешь, это просто камень, — продолжил старик, не глядя на Антона, а будто обращаясь к самой горе, невидимой отсюда, но всегда присутствующей. — А она живая. И она выбирает, кого подпустить ближе.

Антон опустил на соседний камень, чувствуя, как усталость и напряжение дня понемногу стекают с плеч.

— А если я не хочу, чтобы выбирали меня? Если я просто хочу пройти мимо?

Старик наконец посмотрел на него прямо, и в его взгляде была не угроза, а предупреждение:

— Тут не выбирают словами. Тут выбирают шагами. Ты уже сделал свой первый шаг к ней. Дальше она будет решать, сколько ещё ты сможешь пройти.

Они помолчали. Ветер шевелил траву, где-то лаяла собака, а угли тихо потрескивали. И в этой тишине Антон вдруг понял, что старик не пугает его — он просто говорит правду, которую здесь знают все, кто прожил достаточно долго.

К вечеру следующего дня он добрался до стоянки у подножия, где уже дымил костёр и сидели люди в туристических куртках. Но он не стал к ним подходить. Разбил палатку чуть в стороне, нависающей над долиной, и долго смотрел, как солнце садится за Белуху, окрашивая её двойной пик в розовый, почти нереальный цвет. В этот момент гора казалась не камнем, а живым существом — огромным, древним, равнодушным к человеческим делам.

Ночью он проснулся от тишины. Не от отсутствия звуков — а от того, что все звуки вдруг обрели смысл. Ветер в кронах, далёкий треск камня, собственное дыхание — всё складывалось в один ритм. И в этом ритме он снова услышал швы. Они тянулись от вершины к вершинам, огибали ледники, ныряли в ущелья и снова всплывали где-то на другом склоне. Один из них пульсировал прямо над лагерем, едва заметно мерцая в темноте, как тонкая серебряная нить.

На рассвете он поднялся выше, туда, где тропа становилась всё уже, а небо — всё ближе. И там, на высоте, где уже не было ни туристов, ни палаток, он встретил шамана.

Тот не выглядел так, как Антон себе представлял. Не в перьях и не в шкурах, а в простой тёплой куртке, с посохом из старого кедра и спокойным лицом человека, который много ходил по этим горам и знает, что говорить нужно только тогда, когда слова нужны. Шаман сидел у небольшого костра, хотя день уже был тёплым, и смотрел на вершину, будто разговаривал с ней без слов.

— Ты чувствуешь их, — сказал шаман, не поворачиваясь. Голос у него был тихий, но твёрдый, как камень.

— Швы, — ответил Антон.

Шаман кивнул.

— Здесь они старые. Как корни. Не такие, как в городах, где всё дрожит от спешки. Здесь они помнят.

Антон сел напротив, и шаман протянул ему кружку с горячим травяным чаем.

— Гора не любит тех, кто приходит с шумом, — сказал он. — Она любит тех, кто умеет слушать. Ты пришёл слушать?

Антон кивнул, хотя сам не до конца понимал, что ищет.

— Тогда слушай не ушами, — продолжил шаман. — Слушай вот здесь, — он коснулся груди Антона, ровно над сердцем.

Они сидели молча, пока солнце поднималось выше, и Антон пытался сделать то, что сказал шаман: не прислушиваться к звукам, а почувствовать, как пространство дышит вокруг. И постепенно он начал видеть не глазами, а каким-то внутренним зрением: как от горы расходятся невидимые линии, как они соединяются с другими вершинами, с реками, с небом. Это была не карта, а живая сеть, и Белуха была её сердцем.

Шаман рассказал, что алтайцы называют эту гору УчСумер — «три вершины», хотя видно только две. Третья — невидимая, духовная, та, что соединяет этот мир с другими.

— Те, кто умеют ходить по швам, как ты, — сказал он, — должны помнить: каждое место имеет свой голос. И если ты идёшь через него, ты должен услышать этот голос, иначе швы начнут слышать тебя. А это опасно.

Антон спросил, что значит «швы начнут слышать тебя».

— Они запомнят твой шаг, — ответил шаман. — И если ты будешь идти без уважения, они начнут вести тебя туда, куда ты не хочешь. Пространство не злое, но оно справедливое.

Потом они поднялись ещё выше, туда, где даже трава становилась редкой, а камни лежали, как древние стражи. Шаман показал место, где, по преданию, духи гор собираются на совет. Это была небольшая каменная площадка, окружённая валунами, и в центре её лежал плоский камень с выветренными узорами, похожими на следы птиц или на древние письмена. Шаман не стал ничего объяснять — он просто сел на этот камень, закрыл глаза и замер. Антон сел рядом и тоже попытался не думать, а просто быть.

И тогда он впервые почувствовал не отдельные швы, а само пространство как единое целое. Оно было похоже на огромную ткань, сотканную из тысяч нитей, и каждая нить держала свой кусок мира. Он понял, что его способность — это не только свобода перемещаться, но и ответственность: каждый его шаг оставлял след, и этот след мог изменить натяжение ткани.

Когда они спустились обратно к лагерю, солнце уже клонилось к закату, и долина наполнилась фиолетовым светом. Шаман остановился у ручья, зачерпнул ладонью воды и умылся.

— Теперь ты знаешь, как слушать, — сказал он Антону. — Но помни: гора даёт силу, чтобы соединять, а не разрывать.

Антон кивнул. Он не знал, что ждёт его дальше, но теперь он понимал: чтобы использовать швы правильно, нужно не только чувствовать их, но и уважать места, через которые они проходят. И Алтай, с его древними горами и тихими голосами, стал для него первым настоящим учителем.

Глава 4. "Другая сторона"

После встречи с шаманом Антон ещё долго бродил по склонам, привыкая к тому, как здесь звучит тишина. Он не торопился уходить, потому что чувствовал: в самой горе есть что-то, чего он пока не коснулся. Что-то, что ждало своего часа.

Однажды утром он пошёл не вверх по привычной тропе, а вдоль скального массива, туда, где камень нависал тяжёлыми плитами, будто хотел спрятать от солнца то, что лежало под ним. Там, у основания одного из выступов, он заметил едва заметную щель в камне. Она была почти скрыта нависающей плитой и зарослями жёсткой травы, будто сама природа хотела спрятать этот проход.

Он протиснулся внутрь. Пещера оказалась небольшой, но удивительно правильной формы, будто её не просто выточила вода, а кто-то когда-то придал ей смысл. Стены были гладкими, словно отполированными, и на них виднелись тонкие линии — не трещины, а будто выцарапанные кем-то узоры. Они слабо мерцали, когда на них падал свет фонаря.

В глубине пещеры, в самом центре, воздух будто сгущался. Там пульсировал шов. Но это был не тот привычный горизонтальный шов, по которому Антон прыгал между городами. Этот был иным: он не тянулся вбок, а уходил вглубь скалы, в самую сердцевину горы, и оттуда — дальше, за пределы знакомого мира. Он мерцал не серебряным, а бледнозолотым светом, и от него веяло не ветром и дождём, а чем-то древним и безвоздушным.

Антон подошёл ближе и почувствовал, как пространство вокруг него чуть-чуть дрогнуло, словно само знало, что он стоит на пороге.

И он шагнул.

Первое, что он ощутил, — это не холод и не пустоту, а странную, почти осязаемую перемену. Воздух стал плотнее, будто Антон перешёл из одного слоя реальности в другой. Он открыл глаза — и замер.

Перед ним расстился мир, похожий на Землю, но одновременно чужой до мурашек. Горы, деревья, трава, снег, вода — всё было, но другое. Прямо перед ним высилась гора, поразительно похожая на Белуху, только у неё было не две, а три отчётливые вершины, будто кто-то нарочно добавил третью, чтобы нарушить привычную симметрию.

Солнце здесь было синим, словно кто-то пролил в небо краску, а само небо отливало изумрудным, глубоким зелёным цветом. Вся растительность — трава, листья, мох — была синей, будто впитала в себя оттенок солнца. А на небе висели три луны: одна крупная, серебристая, и две поменьше, одна — янтарная, другая — почти прозрачная, как тонкий лёд.

Антон медленно повернулся, оглядываясь. Он вдруг понял: это не другой уголок Земли. Это другая планета. Другой мир. И шов, через который он прошёл, был не просто дорогой между городами — он соединял разные миры.

Он сделал несколько шагов, и земля под ногами отозвалась не привычной вибрацией, а чем-то иным — будто сама планета прислушивалась к его шагам. И тут он почувствовал чьё-то присутствие. Не рядом, не за спиной, а повсюду — в воздухе, в ветре, в тишине. Это было незримое внимание, тяжёлое и спокойное, как взгляд, который не моргает.

Никого не было видно. Но Антон точно знал: за ним наблюдают. Это были местные обитатели — существа, непостижимые для человеческого ума. Не тела, не фигуры, не тени. Это была сила, чистая энергия, разум без формы. Высший разум, который обитал во вселенной миллионы лет и появился задолго до людей. Он знал всё, видел всё, управлял всем. Увидеть его можно было, только если он сам этого пожелает.

Именно эти существа создавали кротовые норы, нити, швы между мирами. Именно они были теми самыми «духами», о которых говорил шаман. Теми, кто приходит в наш мир через Белуху. Местные звали их покровителями. Они не были живыми и не были мёртвыми. Они просто были. Они могли быть добры к человеку, а могли гневаться. Могли управлять стихиями, пространством и самой реальностью.

Антон вспомнил слова шамана: «Если ты будешь идти без уважения, следы начнут вести тебя». Теперь эти слова обрели новый, пугающий смысл. Здесь, в этом мире, следы не просто оставались — они становились частью чего-то большего, частью памяти вселенной.

Он остановился и тихо прошептал, будто обращаясь к самому пространству:

— Я не хочу причинить вреда. Я просто хочу понять.

Тишина ответила ему не звуком, а ощущением — словно кто-то кивнул в темноте.

Пока он стоял, пытаясь унять дрожь в пальцах, на поверхности холмов снова проступили тонкие линии, похожие на вены. Они слабо светились, отзываясь на его присутствие. Антон провёл по одной из них пальцем — и линия отозвалась лёгким теплом, как будто он коснулся живого нерва.

Он шёл дальше, пока не наткнулся на круг из камней. Не естественный, а явно сложенный кем-то: камни были разной формы, но идеально подогнаны друг к другу, образуя ровный круг диаметром метров пять. В центре круга лежала плоская плита, а на ней — высеченные символы. Они не были похожи ни на одну письменность, которую Антон знал, но при взгляде на них в голове начинали всплывать образы: дороги, узлы, пересечения, точки, где миры касаются друг друга.

Антон сел рядом с кругом, не решаясь войти внутрь. Чтото подсказывало ему, что этот круг — не просто памятник, а инструмент. Или врата. Или и то, и другое.

Пока он сидел, небо начало меняться. Изумрудный оттенок стал глубже, почти бутылочным, а три луны медленно сместились, будто выстраиваясь в некую значимую конфигурацию. Синее солнце опускалось, не грея, а лишь окрашивая всё в холодные тона.

Воздух над кругом начал мерцать. Сначала это были едва уловимые переливы, похожие на лёгкую дымку. Потом мерцание сгустилось, обрело ритм, и Антон почувствовал: они здесь. Те, кто держит швы. Те, кого люди называли духами.

Они не заговорили с ним словами. Не было ни голоса в голове, ни шёпота на ухо. Вместо этого на него накатила волна ощущений — спокойных, тёплых, но невероятно мощных, как прилив, который не ломает скалы, а напоминает им об их месте в мире.

Он понял: они обозначили своё присутствие не для того, чтобы пугать или поучать. Они просто дали ему знать, что видят его. Что он здесь — гость, но гость желанный.

Волна ощущений сменилась другим чувством — лёгкой, почти невесомой уверенностью: он может приходить сюда, когда угодно. Эта планета может стать для него домом, местом, где он найдёт ответы, если будет приходить с чистым сердцем и ясной мыслью.

Но следом пришло и другое — более твёрдое, почти холодное осознание. Оно не звучало как приказ, но было непреложным, как закон природы: его дом — не здесь. Его миссия — там, в родном мире. Ему предстоит изменить устройство мира. Изменить человечество. Не силой, не разрушением, а пониманием. Он должен стать тем, кто покажет людям, что пространство — это не пустота между точками, а живая ткань, которую нельзя рвать бездумно.

Это знание не было подарком. Оно было поручением. Тяжёлым, но не страшным. Будто ему доверили нести хрупкий сосуд — и предупредили, что от того, как он его понесёт, зависит многое.

Когда ощущение ушло, круг снова стал просто кругом из камней, плита — просто камнем с узорами, а небо вернулось к своему изумрудному оттенку. Но Антон уже не мог смотреть на этот мир так, как раньше. Он чувствовал: невидимые хозяева этого места не требовали поклонения и не ждали благодарности. Они просто напомнили ему, кто он и зачем пришёл.

Он поднялся, глубоко вдохнул плотный, пахнущий минералами воздух и посмотрел на трёхглавую гору. Над центральной вершиной по-прежнему висело слабое золотистое свечение — то самое место, где сходились швы. Но сейчас он не спешил туда. Теперь он знал: путь к узлу начинается не с подъёма, а с понимания, что каждый шаг — это обещание.

Повернувшись, он пошёл обратно к пещере. Не потому, что испугался, а потому, что теперь его дорога лежала не выше, а глубже — внутрь себя, в ту самую способность слышать пространство, которую ему только предстояло по-настоящему освоить.

Когда он подошёл к щели в скале, шов внутри неё снова замерцал, будто ждал его. Антон остановился на мгновение, оглянулся на этот синий мир, на три луны, на гору с тремя вершинами, и тихо произнёс:

— Спасибо, что показали мне.

Мерцание чуть усилилось, словно в ответ на его слова, и он шагнул обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.